

Текст · 2 марта 2021, 11:26

Алла Константинова,

«Будем делать лабутены». Бывший заключенный владимирской колонии рассказывает, как его заставили пытаться людей

29-летний Иван Фомин родом из Узбекистана был задержан в 2014 году. За несколько лет до этого он принял ислам и сменил имя. В 2017 году Люблинский районный суд Москвы приговорил Ивана к десяти годам лишения свободы по делу о разбое и грабеже в составе организованной группы (часть 2 и пункт «а» части 4 статьи 162, часть 2 и пункт «а» части 3 статьи статьи 161 УК).

Меня этапировали в лагерь во Владимирской области, в село Мелехово, где мне очень обрадовались администрация колонии и вся банда завхозов и дневальных. Их было где-то семь-восемь человек, и все как на подбор высокие, по 100 килограммов, а один 160 килограммов — фамилия Кекух, погоняло «Большой». Меня сразу из толпы отделили, кричали на меня, поставили [нас] вдоль стены. Руки тоже на стене, с опущенной головой вниз и смотреть тоже вниз. Кто-то мне в самое ухо кричит: «Фомин! Имя-отчество? Где родился?». Потом они меня материли матом и говорят: «По исламу как зовут?». Я говорю им: «Умар». Они как будто оскорбились, когда услышали, стали говорить, что я «предатель своей веры», что «таких, как я, надо убивать». Забрали сумку у меня с книгами, а их было немало: по английскому языку и Коран, молитвенник, классика разная еще.

После шмона нас всех повели в карантин на две недели.

Привели нас туда и посадили на табуреты, где мы должны сидеть ровно, по струне, не сгибать спины. Там было, в общем, пять дневальных, один завхоз. Меня они наголо побрили, дали где-то расписаться — не знаю, где, так как мне не дали узнать и прочитать, за что я расписываюсь. Заставили учить доклад^[1] и всех сотрудников администрации. [Потом] они выводили через кухню человека — то есть, через помещение за стеной, [это] постовая или дежурная часть — и оттуда мы слышали стоны и удары, как будто бьют по стене. И так каждый вечер кого-то отводили, а возвращались [так]: штаны от робы порваны, хромая, садится на свое место. И следующего зовут.

Меня пять дней в карантине не водили туда, а только каждый день на меня кричали. Утром перед зарядкой завхоз Рома Новиков говорил, что скоро меня он *****, то есть «чпокать» будет, если писать без мата. А я стою ровно и ничего не говорю. Он же каждый день одно и то же говорил — и дневальные его то же самое и именно мне говорили, [одному] из всех 20 человек где-то.

Каждый день меня спрашивали: «Будешь принимать христианство?». Я им говорил, что не буду, и где-то на шестой день моего пребывания в карантине меня днем повели в будку, где не было камер. Завхоз Рома Новиков мне сказал: «Сегодня последний день у тебя есть, чтобы спасти себя и не попасть в петушатник». [Рассказал], где я буду находиться и где я буду словно

раб мыть туалеты, или на мусорке работать, где остальные петухи. Начал рассказывать, как меня будут насилловать, свяжут ноги и руки сзади, я буду лежать, а они будут отбивать мне пятки и жопу. После этого, если не сознаюсь, они будут черенком меня ***** [насилловать], и в рот этот черенок будут совать. А если я и тогда не сломаюсь, они позовут петуха с надроченным, [он] будет дрочить, перед этим меня свяжут так, что я буду растянут дубком, то есть на столе ноги без штанов связаны. Мои ноги будут растянуты, чуть не в шпагате. В поясе я буду согнут, ноги раздвинуты, руки связаны за ножки стола и сверху на моей спине будет сидеть человек. А петух с надроченным будет в задницу меня ***** [насилловать]. Это все завхоз говорил мне и говорил. Рассказал за себя, что его так же сломали. Никто, будучи не сломлен, не смог пройти, и другие не смогут. Говорил, что он патриот России и русской нации, что он православный, а не христианин, и что он враг ислама и всегда будет.

Я ему говорю: «Тогда вам лучше меня убить или сломайте [мне] хоть все кости». Он сказал, что у меня «есть один выход» — и кидает мне коробку из под спичек, полную бритвы «Рапира»^[2]. Говорит: «Опера дали на тебя добро, и сказали, чтоб я тебя любыми способами сломал, заказ на тебя идет с воли». Говорит, я приду через 30-40 минут «и надеюсь, ты весь потолок забрызгаешь кровью, но если ты останешься жив, то тебя зашьют и обратно к нам сюда в карантин приведут». Тогда он сказал, что мне не даст второго шанса и что он сам меня ***** [насилловать] будет, ему ***** [все равно]. Смеется и уходит, оставляет меня с этими мойками^[3], рапирами.

Там я сидел и долго думал: положить руки я на себя не смог, я не смог из-за смертного греха. Как будто увидел свою мать в слезах, как она бьет по воротам этой зоны. И когда он вернулся, я ему говорю: «Хорошо, я согласен на то, что ты говоришь. Приму православие, а не христианство».

Проходит два дня. Я сидел на табурете и совершил намаз сидя — камера спалила меня. Ему позвонили туда на телефон, меня позвали вечером, он говорит: «Ты меня ***** [обманул]». Меня начали бить кулаками, ногами, повели в окружении дневальных. Он говорит: «Теперь будем тебя ***** [насиловать]». Я говорю ему: «Ты ошибаешься, я занимался спортом, сидя на табуретке, делал статику и считал время в напряжении. Мне было холодно — решил согреться вот так». И он мне поверил: «Если тебе холодно будет, пойди на кухню, попроси дневального, и пусть тебе чай сделают».

Они привели человека, насколько я помню, Мышкин^[4] по фамилии. Начали бить с кулака в живот, потом повалили на землю, связали скотчем ноги в области ахиллопяток^[5], руки на запястье сзади за спиной, и один на спину полусидя положил колено, а руки натянул на себя. Как сказал завхоз карантина, «будем делать лабутены^[6]». Потом начали [бить] дубиной — дубина очень твердая: обрезок трубы, только пластиковая, тяжелая и очень толстая, а внутри посередине тонкое отверстие-дырочка, таких труб я нигде и никогда не видел. И вот этой трубой начали бить его по пяткам, потом по жопе; он кричал. Потом принесли черенок с засохшим говном, этот

завхоз Рома Новиков раздвинул ему ягодицы, плюнул в отверстие и стал ему засовывать в жопу черенок. [Потом] вынул и поднес к носу Мышкина. Говорит: «Чем пахнет?». Тот говорит: «Говном». Потом он этот черенок с говном на краю засунул ему в рот. Потом позвали татар (имя и фамилию я не помню), но называли его Монголом. Монгола уложили на пол, он кричал и умолял их, говорит: «У меня порок сердца». А они смеются и говорят: «Да нам ***** [все равно], что у тебя там». С ним сделали то же самое, что и с первым: и Мышкин дал показания о преступлении, и Монгол дал показания о преступлении других людей, барыг. Вот так они показали, что делают с людьми. Меня «простили» и сделали помощником дневального^[7].

Нас перевели на «нижний карантин» — седьмой отряд, туда всех [вновь прибывших] отсылают, и там сидят на лавочке до одного года, а оттуда уже «поднимают»^[8] и расформировывают на зоне.

В первый день меня повели в каптерку^[9]. Стою в футболке: завхоз и дневальные ничего не говорят, я сам не знаю, чего они от меня хотят. Потом завхоз седьмого отряда Курбан Ренат говорит: «Сейчас приведут человека, он сядет вот на этот стул, а вы сзади встанете». Потом Большой (фамилия его Кекух) и Белый (Макс Белов) привели русского, не помню фамилии. Он сел спокойно на табурет, ему начали задавать вопросы, он отвечал. Потом Курбан дает нам сигнал, мы его опрокидываем на пол, связываем ноги белой веревкой. Потом с него стягивают штаны, и той же дубинкой бьют по пяткам и заднице, но не долго так, 10-15 минут. Завхоз спросил его, чем [он] занимался на воле. Не помню, что он

ответил, но предложил свои услуги — окно поставить пластиковое [в колонии]. Потом еще двоих позвали, с теми то же самое было.

Вот так за два дня меня сделали дневальным: пришел завхоз «верхнего карантина» Рома Новиков, пошли в кабинет опера — был тогда капитан Михаил Львович Степанов. Он говорил, что теперь я их человек, он будет мне помогать, и тогда «все у меня хорошо будет». Говорил, что я должен буду помогать Курбану-завхозу во всем: бить людей и ***** [насиловать], если надо будет. Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться с ними. Это был июнь 2018 года.

Рома Новиков [однажды] привел таджика. Не помню его имя и что он натворил, но били мы его очень сильно, 60-90 минут. Он три раза терял сознание. Под руководством Новикова проходил этот процесс в каптерке: кулаками чуть-чуть бил по лицу ему, Курбан сдерживал Новикова — тот хотел его «чпокнуть» и подносил лицо таджика к своему паху. Отбили задницу так, что распухла так сильно, была черного цвета. И пятки его: он пролежал три дня на шконке, дали постельный режим. На четвертый день он ходить мог только на носочках.

Иван Фомин. Фото предоставлено братом осужденного

Ко мне приезжал адвокат Шамиль [Межиев] — меня вызвали в штаб, где опер спрашивал, зачем ко мне

адвокат приехал и что я буду говорить ему. Я говорю, что только по уголовным делам приехал адвокат. С меня взяли слово, что я ничего про лагерь говорить не буду, а только «у меня все хорошо, мне хорошо, мне хорошо». И вот только так я мог ходить к адвокату — там все [разговоры] записываются.

С этого месяца ко мне приезжал Коля-ФСБ: бородатый, высокий, под 100 килограммов. В кабинете он с Михаилом Львовичем у меня спрашивает: «Как дела? Что нового?». Нравится ли мне здесь, кормят как, может ли он мне чем-то помочь. Я говорю: «Все хорошо, все нравится». Потом он говорит, что очень за меня рад, что меня крестили. Говорит: «Достань крестик, я тебя на память сфоткаю». Я достал, он сфоткал — и улыбка до ушей у него. Коля говорит мне, что я должен во всем помогать Михаилу Львовичу, и что он здесь царь.

Потом Рома Новиков привел человека с пятого отряда, точнее двух: один таджик, а другой армянин. У таджика фамилия Копронин, работал на курице резчиком. Другой армянин, звали Гор, фамилии не помню. Они между собой подрались, таджик с армянином — что-то не поделил. Так вот этого армянина привели в каптерку, там мы уже ждали его: я, Большой, Белый, завхоз Курбан. Посадили его на табурет, мы стояли сзади. Завхоз начинает беседовать за драку, и ведут разговор около пяти минут. [Потом] Курбан дает сигнал глазами нам, мы его опрокидываем на пол, связываем руки и ноги, Белый садится на его спину, оттягивает связанные руки вверх на себя, стягивает штаны. Я наступаю на связку веревок, которой связаны ноги, Большой дубинкой

бьет ему по пяткам — по одной, потом другой, и всю задницу отбивают. Делается очень громко музыка, в это время приходит Рома Новиков, садится курить, когда мы его бьем. Пару раз я пытался бить, но мазал, промазывал, когда бил по пяткам. Поэтому они двое менялись, я лишь держал его, потому что тот кричал и звал маму на помощь. Заходит главный завхоз — можно сказать, положенец^[10] лагеря, Тоха зовут — и бьет его в область груди, легких. Армянин плачет, в слезах просит, умоляет простить его и [говорит], что он все понял. Когда [потом] армянин вставал, у него задница была огромной. И перед отбоем, когда он снимал штаны, задница была очень черная — три раза в размере больше, чем в первоначальном виде, и пятки очень опухшие. Армянин на третий день не мог ходить, дали постельный режим: пятки еще больше набухли и вздулись, под кожей начала собираться вода.

Из письма Ивана Фомина следует, что после избиения осужденный-армянин умер. В июле 2018 года «Новая газета» писала о смерти 33-летнего Гога Овакимяна, который отбывал наказание в ИК-6 в Мелехово. По документам он умер в больнице от двусторонней пневмонии, однако родственники заключенного утверждали, что на его теле остались следы пыток. Владимирское издание «Зебра ТВ» сообщало, что СК возбудил уголовное дело о причинении смерти по неосторожности вследствие неисполнения тюремными врачами своих профессиональных обязанностей (часть 2 статьи 109 УК).

[Когда били армянина], меня сменил Вова Калинин, вес 120-130 килограммов. В штабе меня дожидался

Арман-ФСБ. Приветствует меня, говорит, как я себя чувствую. Говорит, что его очень волнует [мой подельник] Григорян Ашот (Муслим). Говорит: «Он же завлекал тебя в ИГИЛ уехать?». Я говорю: «Я с ним виделся там на воле всего три-четыре раза, за это время может один раз просто говорили о себе и ничего больше».

Иван Фомин утверждает, что в 2018-2019 годах сотрудники ФСБ обманом заставили его дать показания против своих бывших подельников Ашота (Муслима) Григоряна и Якуба Ибрагимова, а также незнакомых ему людей по статье об организации террористического сообщества (часть 1 статьи 205.4 УК). В июне 2020 года на самого Фомина завели уголовное дело по второй части той же статьи, обвинив его в участии в террористическом сообществе. Ибрагимов был осужден на 19 лет колонии и в суде заявлял о пытках. Сведений о Григоряне «Медиазона» в открытых источниках не обнаружила.

Я уже не мог там находиться, не знал, как оттуда бежать, все это время ломал голову, как оттуда уйти, ведь меня полностью контролировали — звонить в таксофон [я] ходил с сопровождающим дневальным, говорить в его присутствии я не мог. Я был в плену, я не могу назвать это место по-другому, кроме как плен.

Однажды меня зовут к начальнику колонии Саакяну Роману Сааковичу. В его кабинете напротив сажусь, он говорит: «Рассказывай». Я рассказал очень много — и то, как армянина мы убили. Он говорит: «Я знаю, ты очень сильно нам, администрации, помог. И ФСБ». А теперь, говорит, пиши отказ от адвоката, так как мне позвонили и сказали, что через три-четыре дня

приедут сюда, и я буду тебя защищать. «И 205-я статья тебя не коснется, гарантирую», — говорит.

Роман Саакян стал начальником ИК-6 по Владимирской области в январе 2020 года. Его предыдущее место работы — ИК-2 в городе Покров, где он занимал должность начальника оперчасти. О Саакяне рассказывал ультраправый политик Дмитрий Демушкин, который отбывал в Покрове свой срок по делу о репосте^[11] фотографии — 2,5 года. Именно Саакян создал в колонии так называемый сектор усиленного контроля или БУР^[12], утверждал Демушкин, который провел там восемь месяцев.

«Я там не разговаривал, ничего, там люди с ума сходят, — вспоминал он. — Но есть постоянные команды, надо вставать каждый раз, когда активист какой-то появляется. Вот представляете, 20 активистов ходят по комнатам, ты там как Ванька-встанька: либо стоите, либо сидите, ножки вместе, голова всегда вниз опущена, руки всегда за спиной. Со 105 килограммов я похудел ниже 60. Если смотрели хронику Освенцима, вот я выглядел ровно так практически».

Еще до перевода в Покров Роман Саакян упоминался в связи с пытками в ИК-3 Владимира. «А в ИК-3 прием в колонию начинается с того, что офицеры — такие, как Роман Саакян — сами достают пенисы и пугают заключенных. Для зэка самое страшное — это оказаться в касте обиженных, потому что он останется в ней на всю жизнь. Пугая своим пенисом, офицер заставляет

подписывать заключенного нужные бумаги», — [приводило](#) в 2018 году рассказ владимирского правозащитника радио «Свобода».

Я говорю: «Блин, Роман Саакович, я не буду писать отказ от адвоката». Он: «Ты дурак! Что, ничего не слышишь, что я тебе сказал? Я говорю — мы сядем и обсудим, почему они тебя обманули». Я ему говорю: «Ну поймите меня, я не хочу сидеть, плюс по 205-й по УДО не выходят». Он говорит: «Ты явно дурак, пиши же, я тебе говорю! Для тебя лучше же будет, ты что, не слышал, кто я такой?». Я говорю, слышал. Он: «На меня постоянно жалобы пишут, а мне ***** [все равно]. Я ничего не боюсь, у меня спина сильная». И говорит: «Послушай меня хорошенько, мы тебя можем потерять в этой необъятной стране». Я еще ломаюсь, говорю: «Хотя бы дайте мне просто увидеть его [адвоката]». Он мне говорит: «Давай лучше подумай о безопасности твоих родственников».

В тот день Иван Фомин так и не встретился со своим адвокатом Шамилем Межиевым, но соглашение с ним расторгать не стал. Фомин отрицает обвинение в терроризме, именно поэтому он решился связаться с «Медиазоной», говорит Межиев. Сейчас Фомин находится в СИЗО-3 города Серпухова, его уголовное дело расследует управление Следственного комитета по Наро-Фоминску.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. При появлении сотрудника ФСИН заключенный обязан встать и назвать свои ФИО, дату рождения, статьи УК, по которым он осужден, даты начала и конца срока и номер отряда.

2. Марка лезвий для безопасной бритвы.
3. «Мойка» — вид самодельного тюремного оружия, лезвие безопасной бритвы, с одной стороны обмотанное изолентой. Здесь: лезвие.
4. Фамилия изменена.
5. Очевидно, ахилловых сухожилий и пяток.
6. Туфли французского дизайнера Кристиана Лубутена. Ярко-красная подошва запатентована как элемент товарного знака Christian Louboutin.
7. Осужденный из числа активистов, который следит за порядком в отряде.
8. Переводят в другие отряды.
9. Склад, кладовая.
10. Полномочный представитель вора в законе на какой-либо территории — в городе, регионе или отдельном исправительном учреждении.
11. Демушкина признали виновным в возбуждении ненависти (часть 1 статьи 282 УК).
12. Барак усиленного режима.